

A woman with long, pale blonde hair and a dark, gothic-style face paint sits in a long, flowing red dress. She is positioned in the center of the frame, looking directly at the viewer. The background is a dark, gothic-style interior with large, arched windows and a central circular opening, all of which are illuminated from within, casting a strong red glow. The architecture is dark and textured, with stone walls and a large, dark, rocky structure on the left. The overall atmosphere is mysterious and dramatic.

Владимир Кожевников

Карминовая купель

Владимир Кожевников

Карминовая купель

<https://litres.ru/74318862>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире, где цвет — магия крови, а умение видеть оттенки делит людей на господ и рабов, возвышается Алый Эшафот — дворец-улей, высеченный в толще горы. Здесь правит герцог-инквизитор Итан Даркмур, чей дар видеть цвет лжи сводит его с ума. Пять его жён казнены за ересь, и общество славит его как святого палача.

Немая художница Айрин умеет создавать краски, не существующие в природе. Обвинённая в колдовстве, она ожидает смерти в Карминовой Купели, но в последний миг Итан предлагает ей сделку: стать его шестой женой в обмен на жизнь её учеников. Ей предстоит носить Маску Скорби и молчать, но чем глубже она погружается в тайны Эшафота, тем яснее понимает: предыдущие жёны не умерли. Их души заточены в живых портретах, и теперь Айрин предстоит решить, как разорвать этот круг — бегством, местью или любовью к самому чудовищу. Ретеллинг «Синей Бороды», где пленница побеждает, разбирая клетку маньяка изнутри.

Содержание

Глава 1. Алый Эшафот	4
Глава 2. Маска Скорби	8
Глава 3. Шёпот холстов	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Владимир Кожевников

Карминовая купель

Глава 1. Алый Эшафот

Сквозь витражные плафонды Высокого Трибунала сочился свет — густой, точно разведённая кровь. Алый Эшафот, дворец-улей, вгрызённый в Гранитовую Грядку, гулко дышал: тысячи каменных сот-галерей наполняли голоса тех, кто явился на аутодафе. Запах воска, нагретого металла и давней гари мешался с дыханием толпы.

Айрин стояла на коленях в центре гексагональной обсидиановой платформы. Серебряные наручники с гематитовыми вставками впивались в запястья, пили остатки магии, оставляя лишь ноющую пустоту. Мешковина цвета пепла кусала кожу. Пряди светлых волос, почти седых от врождённой пигментной аномалии, падали на лицо, но один глаз — цвета остывающего индиго — смотрел прямо перед собой, не мигая. Сердце Айрин колотилось рвано, однако спина оставалась прямой. Где-то в каменном подбрюшьи Эшафота, в камерах для малолетних еретиков, ждали её ученики: Рен, самый младший, ещё не разучившийся плакать, близнецы Марта и Томас, и старший, Кай, который наверняка рисовал углём решётки. Ради них она заставляла себя не дрожать.

Амфитеатр делился на два мира. Ближе к платформе, на приподнятых седалищах, сидели Лорды Спектра. Их глаза различали семнадцать тысяч оттенков, и сейчас в одеждах аристократов медленно переливались аметистовый, хризолитовый, киноварь. Каждый цвет имел вес, имя, магическое родство. За их спинами колыхалась серая масса — простолюдины, чьё зрение улавливало лишь градацию от угольного до пепельного. Они приходили на казни, потому что только в предсмертной агонии магов мир вспыхивал для них красками.

Лорд Игнис Кармин поднялся. Его шрамы налились багрянцем.

— Айрин из Нижних Пределов, художница, обвиняемая в создании красок вне Канонического Спектра, запрещённой гематургии и совращении пяти учеников. Признана виновной. Приговор — окончательная кремация в Карминовой Купели.

Толпа выдохнула. Карминовая Купель — чаша в сердце горы, заполненная концентрированной цветовой эссенцией. Не смерть — аннигиляция души в спектре.

Двери позади судейской ложи отворились бесшумно. Вошедший не нуждался в объявлении. Итан Даркмур, герцог-инквизитор, Алая Длань Престола. Сорок лет, лицо аскета, мундир оттенка запёкшейся крови. Шаг — отрывистый, хищный. Его глаза непрерывно меняли цвет: стальной, болотный, оловянный — дар, что видел истинный цвет лжи,

пожирал рассудок изнутри уже два десятилетия. Он казнил пять жён. Своих жён. Пять тел растворились в Карминовой Купели, и общество называло его святым палачом.

— Приговор остановить. По праву Инквизитора требую пересмотра участи осуждённой.

Голос негромкий, но Лорд Кармин замер, словно налетел на стену. Ропот в зале поднялся и стих.

Даркмур приблизился к Айрин. Опустился перед ней на колено, взял за подбородок, отвёл волосы с лица. Она не отёрнулась. Её зрачок ударил по его дару, как молот по наковальне: цвета, которого не было в Каноне, — струящееся мерцание между индиго и несуществующим золотом. Дар Даркмура бешено заметался в поисках лжи — и не нашёл. Ни единой алой нити. Лишь безмолвная истина неизвестного оттенка.

— Ты не еретичка. Ты — зеркало, — произнёс Итан почти шёпотом.

Поднялся. Обвёл зал взглядом, в котором сталь победила болото.

— Айрин из Нижних Пределов, я предлагаю тебе контракт. Ты станешь моей шестой женой. Будешь носить Маску Скорби и хранить молчание до конца дней. Взамен я сохраню жизнь Рену, Марте, Томасу и Каю. Откажешься — они сгорят в Купели вместе с тобой. Решение — сейчас.

В наступившей тишине Айрин медленно поднесла скованные ладони к груди, коснулась пальцами сердца. Затем

сложила кончики домиком и опустила их — немой знак согласия. Горло свело спазмом, она не могла бы заговорить, даже имея голос, но жест был твёрд.

Итан кивнул страже:

— Уведите в мои покои.

Лорд Кармин побагровел. Даркмур развернулся и покинул зал, не удостоив судей взглядом. Айрин подняли с колен. Цепи звякнули. Её повели прочь — мимо серых лиц, мимо цветных одежд, в червоточину Эшафота, где каменный коридор сужался до глотки хищного зверя. Свет позади тускнел, пока не осталась лишь одна пульсирующая точка. Где-то далеко впереди ухала Карминовая Купель. Где-то ещё дальше в камере Кай прислушивался к шагам, не зная, что судьба уже повернулась жестом немой художницы. Тьма сомкнулась.

Глава 2. Маска Скорби

Коридоры Эшафота сплетались в лабиринт без начала и конца — цепь каменных глоток, подсвеченных багровым. Двое стражников с расширенными от наркотиков зрачками вели Айрин; немой служка освещал путь фонарём с киноварным стеклом. Свет стекал по стенам жирными мазками.

Айрин считала шаги. Рен. Марта. Томас. Кай. Имена держали рассудок на краю пропасти. Наручники ослабили, но тяжесть осталась — свинцовая, в костях. Гематитовые вставки погасли, и магия, годами стиснутая, рванулась к кончикам пальцев горячей волной. Айрин сжала кулаки, пряча пульсацию.

Они миновали лестницы, вырезанные в скальной породе, и вышли в галерею, затянутую тёмным бархатом. Здесь цвет обретал плоть: вишнёвый, с проблесками альмандина. Не канонический спектр аристократов, не серое сукно низших — интимный, удушающий колорит Эшафота.

Перед дверью чёрного дерева процессия встала. Наручники сняли. Гематит зашипел, отпуская добычу. Айрин закусил губу, приказывая магии замереть.

— Входи, — сказал служка.

Покои герцога-инквизитора были аскетичны до жестокости. Каменные стены, ложе из неструганого дерева, серые простыни. Письменный стол, заваленный свитками, и обси-

диановая статуэтка женщины, закрывшей лицо руками. Запах старых книг, сухих трав и остывшего металла висел в воздухе. В очаге тлели угли, не давая тепла.

Свет из бойницы падал на пол узкой серой полосой. Айрин шагнула к нему, когда три немые служанки — шрамы на горлах, ритуально перерезанные связки — вошли с кувшином, платьем и шкатулкой.

Раздели её молча, с тюремной деловитостью. Вода пахла хвоей и солью, обжигала, но не грела. Айрин позволила затянуть корсет, набросить платье цвета венозной крови. Тяжёлая ткань легла на плечи, словно чужая кожа.

Старшая открыла шкатулку.

Маска Скорби покоилась на чёрном шёлке — серебряная полулика с узором застывших слёз. Верхняя половина лица, прорези для глаз, крохотный замок на переносице. Айрин взяла маску. Металл холодил пальцы. Она поднесла его к лицу, ощутила, как кромка прижимается к скулам и лбу. Замок щёлкнул. Мир сжался до двух овалов. Дыхание, отражаясь от серебра, возвращалось к губам тёплой влагой. Горло завибрировало беззвучно — словно пыталось вытолкнуть стон.

В зеркале над камином отразилась женщина без возраста: серебряная личина, бледные губы, индиго в прорезях.

Итан вошёл, не постучав. Белая рубаша, чёрные бриджи, сапоги. Без мундира он был выше, тоньше, опаснее каждой линией тела. Глаза текли от серого к тёмно-зелёному.

— Повернись.

Она повиновалась. Его дыхание коснулось затылка, и кожа пошла мурашками.

— Твои ученики живы. Завтра их перевезут в монастырь на восточном склоне. Ты увидишь их раз в год. Побег или вред мне — они умрут медленно. На твоих глазах.

Он говорил правду. Её дар, видящий цвета вне Канона, фиксировал: аура Итана пронизана сотнями алых нитей чужого обмана, но ни одна сейчас не шевелилась.

— Мне не нужны слова, Айрин. Слова всегда лгут. Ты не способна на ложь — и потому станешь моим свидетелем. Тем, кто увидит то, что я прячу от всех. Я устал быть единственным хранителем этой ноши.

Вот что двигало им. Не страсть, не расчёт — изоляция, душившая его двадцать лет. Ему нужен был исповедник, который не предаст звуком.

Пальцы Итана коснулись маски — металл умножил холод прикосновения.

— Идём. Ты увидишь то, что не видел никто из живых.

Потайная дверь за статуэткой. Лестница в сердце горы. Ступени, факелы с фиолетовым пламенем, запах ладана и льняного масла. Айрин считала: двадцать три... пятьдесят одна... сто. Сердце ухало в такт.

Часовня открылась круглым залом в природной каверне. Отполированные до зеркального блеска стены, алтарь чёрного камня, пять мольбертов белого золота. Пять портретов в полный рост.

Лина — юная, медные волосы, восторженные глаза. Северина — строгая темноволосая ледяная красавица. Марго — смуглая, с татуировками. Исольда — альбиноска, почти прозрачная. Беатрис — рыжеволосая, с ироничной усмешкой.

Краски дышали. Грудь Лины вздымалась. Веки Северины дрогнули. Пальцы Марго сжались.

— Мои жёны, — произнёс Итан, и голос его стал глуше, интимнее. — Лина, Северина, Марго, Исольда, Беатрис. Они не погибли. Я сохранил их.

Он подошёл к портрету Лины, провёл ладонью по краю холста. Краски потянулись к его пальцам, как цветы к солнцу.

— Привет, моя дорогая. Сегодня я пришёл с гостьей. Её зовут Айрин. Она художница. Возможно, вы подружитесь.

Губы Лины шевельнулись. Айрин прочла беззвучное: «Ты».

Итан перешёл к Северине, коснулся её щеки на холсте:

— Прости, что не заходил вчера. Был Трибунал.

И снова — движение губ. Резкое, злое.

— Магия, объявленная Церковью ересью, со временем пожирает носителя, — заговорил он, оборачиваясь к Айрин. — Каждая из них была приговорена к Купели. Я мог позволить им раствориться в спектре — или подарить вечность. Их души заточены в холсты, связаны моей кровью. Это Галерея Вечности. Здесь они защищены. И будут жить, пока стоит Эшафот.

Ауры полыхали перед внутренним зрением Айрин: бледно-розовая Лина, ядовито-зелёная Северина, тёмно-синяя Марго, серебряная Исольда, жёлтая Беатрис. Сквозь все цвета проходил стержень — цвет запёкшейся крови, цвет самого Итана. Он вписал себя в каждую.

— Ты — шестая, — сказал он, приближаясь. — Твой портрет займёт место здесь, когда придёт срок. Но не сейчас. Сейчас ты нужна мне живой. Как свидетель. Как зеркало.

Он взял её за плечи. Сквозь ткань Айрин ощутила силу его рук — и едва заметную дрожь. Монстр боялся. Но не её. Себя.

— Идём. Завтра начнётся твоя настоящая жизнь. Сегодня — просто смотри.

Всю ночь Айрин просидела на краю жёсткого ложа, глядя в темноту. Перед мысленным взором стояли пять портретов. Пять заточённых душ. Нежность Итана, обращённая к холстам, — нежность, которой он не дарил ни единому живому существу. Он любил их. По-настоящему, болезненно, чудовищно. И от этого к горлу подкатила тошнота — и, стыднее, колющее сочувствие.

Но следом пришла ясность. Её дар — создавать несуществующие цвета — мог взаимодействовать с красками портретов. Она не знала, как, но чувствовала: нарисованное ею будет иметь власть над нарисованным им. Не уничтожить Галерею — освободить пленниц. Вернуть им голос. А там — пусть говорят.

Едва серый рассвет просочился в бойницу, Айрин подняла руку и в воздухе, невидимо, прочертила линию. Первую линию нового плана.

Глава 3. Шёпот холстов

Первую неделю в Эшафоте Айрин прожила будто в сером дыму с багровыми прожилками. Дни сплетались в безмолвную череду: колокольный звон на рассвете, омовение ледяной водой, пресная каша, горький настой. Затем немые служанки поправляли на ней маску, одёргивали платье и вели в покои Итана. Там она сидела на скамье у стены, пока герцог-инквизитор читал свитки и диктовал приказы секретарю. Он ронял слова, точно редкие монеты: «Ты хорошо выглядишь». «Цвет твоих глаз сегодня темнее». «Завтра приём, не вздумай улыбаться». Айрин кивала или опускала веки. Молчание стало её щитом.

Ночами память оживала красками. Рен, размазывающий пигменты пальцами; близнецы Марта и Томас, синхронно склоняющиеся над одним холстом; Кай, чей голос говорил за всех, пока она чертила в воздухе жесты. Их общее творение — первый неканонический цвет, «Лазурный Пепел». Тогда они смеялись. Теперь смех в голове отдавался похоронным звоном.

Бездействие душило. На третий день, едва Итан отбыл с инспекцией, Айрин принялась обследовать покои. За гобеленом с выцветшим гербом Даркмуров обнаружилась низкая дверь. Замок — старинный, с тремя штифтами, реагирующими на цвет. Айрин приложила палец к скважине и выпу-

стила каплю дара: цвет, которого нет в Каноне, просочился внутрь. Штифты запели, замок щёлкнул.

Винтовая лестница уводила в затхлую темноту. Ступени покрывала пыль, но в воздухе ещё витал запах льняного масла и старых пигментов. Внизу ждала мастерская: мольберт с остатками холста, шкаф с засохшими банками, а на низком столике — шкатулка. Замок на ней повторял замок её маски. Айрин замерла. Итан знает об этой комнате. Возможно, оставил для меня. Ловушка? Или приглашение?

Она всё равно открыла шкатулку шпилькой. В свинцовых тиглях пульсировали пять пигментов: бледно-розовый, ядовито-зелёный, тёмно-синий, серебряный, жёлтый. Те самые оттенки, что составляли ауры жён. Запретные краски, связывающие души с холстом.

Айрин спрятала шкатулку под рассохшейся половицей. Теперь у неё был ключ. Оставалось понять, как вставить его в замок Галереи.

На пятый день Итан объявил о Приёме Спектра. Служанки облачили её в платье цвета граната с серебряным шитьём, заменили маску на более тонкую — с узором из скорбных анемонов, — подвели глаза угольной пастой. В зеркале Айрин увидела незнакомку с бездонным взглядом.

Зеркальный Зал сиял сотнями обсидиановых граней. Гости множились в отражениях, их одежды переливались оттенками от киноварно-красного до индигового. Айрин плыла под руку с Итаном сквозь шёпот и косые взгляды.

Лорд Кармин проступил из толпы, точно масляное пятно. Багряный бархат, лоснящиеся шрамы. Его улыбка сочилась ядом.

— Даркмур. Твоя супруга прелестна в своём безмолвии. Скажи, она умеет хотя бы писать? Или ты полностью лишил её общения?

Он повернулся к Айрин и, повысив голос для всех, продолжил:

— Миледи, не поделитесь ли впечатлениями о жизни в Эшафоте? Ах да, вы же не можете. Какая жалость. Должно быть, невероятно удобно: жена, которая никогда не скажет «нет».

По залу прокатились смешки — острые, как осколки обсидиана. Итан сжал её локоть. Его глаза вспыхнули алым.

— Ещё одно слово, Кармин, и ты узнаешь, как громко звучат мои приговоры. Я не повторяю предупреждений.

Лорд Кармин побледнел, шрамы на его лице побелели. Он отвесил преувеличенно низкий поклон и отступил в толпу. Но Айрин видела его ауру — она клочкотала тёмно-фиолетовым, цветом подавленной ярости.

Позже, в пустом коридоре, Итан остановился. Его глаза всё ещё отливали красным.

— Тебя это ранит? — спросил он тихо. — Их слова?

Айрин покачала головой. Но внутри что-то дрогнуло — не от унижения, а от неожиданной ноты в его голосе.

— Ложь, — произнёс Итан. — Я вижу цвет твоей лжи. Но

я цену, что ты пытаешься меня утешить.

Он коснулся её маски кончиками пальцев и быстро пошёл прочь. Айрин осталась стоять, ощущая, как тепло от его прикосновения медленно расходится по металлу. Она запретила себе анализировать это чувство.

Ночью, дождавшись, пока Эшафот погрузится в сон, Айрин взяла свечу и спустилась в мастерскую. Выбрала тигель с бледно-розовым пигментом — цветом ауры Лины. Развела краску льняным маслом, взяла тончайшую кисть. Запах цветущего шиповника поплыл по воздуху.

Чёрным ходом, найденным вчера, она поднялась в часовню. Портреты дремали. Краски мерцали в такт невидимому дыханию. Айрин подошла к Лине. Юное лицо, медные волосы. Она вспомнила нежный голос Итана, которым он приветствовал её.

Дрожащей рукой Айрин нанесла крохотный мазок у внешнего уголка глаза Лины — всего лишь тень от ресницы, но написанная неканоническим цветом, тем, что существовал только в её видении.

Краска впиталась мгновенно. Холст дрогнул. В голове Айрин раздался голос — сперва тихий, точно шелест, затем громче, с запинками, будто говоривший разучился складывать слова:

— Он... говорит... что любит. Но это... клетка. Он боится. Не нас. Себя... Спроси Северину. Он сам... приговорил её. А потом «спас». Он не мог... отпустить. Никого... из нас.

Губы Лины на холсте беззвучно повторяли последнее слово: «отпусти... отпусти...»

Айрин отпрянула. Сердце грохотало. Она схватила кисть и тигель, метнулась прочь. Заперлась у себя и до рассвета сидела, прижимая к груди запретную краску. Страх душил, но под ним — под ледяной коркой паники — уже разгоралось пламя. Она сделала первый шаг. И увидела путь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.